

Зенитчик

«Юнкерс» стремительно рос в визире-коллиматоре. Гах-гах-гах-гах! Гулко ударило оружие, в лоб самолета потянулись тусклые, почти невидимые в ярком солнечном свете, трассеры. С глухим стуком посыпались стреляные гильзы. И еще раз, гах-гах-гах-гах! Если бы не ватные затычки в ушах, уже бы совсем оглох. Еще одна порция еле видимых трассеров, глухой стук вылетевших гильз. И никакого результата — самолет неся к земле, вообще не обращая внимания на зенитный огонь. Получай, сволочь! Удар по педали... Гах-гах-гах-гах! Оружие содрогнулось от сильной отдачи и... Снова никакого эффекта. А почему молчат остальные? Концы крыльев «юнкерса» уже вылезли за пределы ракурсных колец визира. Это же считай в упор, промазать почти невозможно. Ну, давай! Гах-гах-гах-гах! Неужели мимо? Одно попадание и ему хана, такого снаряда ему с лихвой хватит и еще останется. Всё! Последняя попытка! Удар по педали... На этот раз пушка отозвалась только металлическим лязгом. От отчаяния попробовал еще раз, с тем же успехом. Вот теперь точно конец. Самолет заполнил уже весь прицел, захотелось увидеть свою смерть не через оптику, но откинуться назад и взглянуть поверх прицела помешало что-то мягкое, упершееся в затылок. Попытался еще раз и... проснулся.

Ту-дух — ту-дух, ту-дух — ту-дух, мерно постукивали на стыках колеса поезда. За окном солнце разгоняло предрассветные сумерки. Приснится же такое! Какие «юнкерсы»?! Их уже лет семьдесят как отсюда вымели! Впрочем, нет, ровно семьдесят лет назад они здесь только появились. Точно, день в день, сегодня же двадцать второе июня, хорошо, что не воскресенье. Ф-фу-у-у, аж вспотел, надо бы умыться пойти.

Дотянулся до столика, нашарил часы, шесть пятнадцать. До прибытия на станцию Брест-Центральная еще больше двух часов, но спать уже не хотелось. Проклятый «юнкерс», весь сон прогнал. Никогда раньше такого не снилось. Девятнадцать лет, как последний

раз из зенитной пушки стрелял, а во сне все было как наяву. И стрекот взводимого затвора, и лязг подаваемой обоймы, и приглушенный ватой в ушах звук выстрела, и глухой стук экстрагированных стальных гильз. Да-а-а, девятнадцать лет прошло с тех сентябрьских сборов. В конце сборов сдали экзамены и получили лейтенантов запаса, с тех пор вообще ни разу оружия в руки не брал. Интересная тогда сложилась ситуация: Союз почти год как распался, а в Российской армии еще дослуживали граждане уже независимых государств, как и россияне служили срочную в армиях этих самых государств.

Ту-дух — ту-дух, ту-дух — ту-дух. Соседи по купе дрыхнут, хорошо хоть не храпят, надо пойти умыться, пока весь вагон спит и туалеты свободны. Натянул штаны и футболку, защелкнул часы, на всякий случай сунул в карман спортивных паспорт и пухлый кошелек с двумя кило евро, а также кредитками. Надо было в эту чертову Европу самолетом лететь, но соблазнила возможность на двое суток отключиться от всей этой деловой суеты и расслабиться, жаль, СВ не было, пришлось брать купейный. Достал зубную щетку, пасту, мыло, прихватил неизменный атрибут всех железных дорог бывшего Союза — вафельное полотенце и осторожно, стараясь не хлопнуть дверью, выбрался в коридор. Как раз успел заметить, как захлопнулась дверь ближайшего туалета. Пришлось пилить в дальний, тот оказался свободен. Избавился от выпитого накануне, к счастью, вечер был безалкогольным, только чай, поэтому и голова не болела. Недолго поплескался в холодной воде из неудобного нажимного крана, почистил зубы и вытерся полотенцем.

На часах шесть двадцать четыре, до конца пути ровно два часа, надо придумать, чем заняться. Полотенце по старой привычке на шею, мыльницу в карман, паста и щетка зажаты в левой руке. Правой рукой открыл защелку и уже взялся за ручку, когда машинист врубил экстренное торможение. Не удержался на ногах, полетел вперед по ходу поезда и головой приложился обо что-то твердое. Еще до того, как погасло сознание, успел услышать какой-то грохот, и в нос шибануло, казалось давно забытым запахом сгоревшего при взрыве тротила.

Глава 1

В себя пришел от истошного, раздирающего душу воя. Теракт! Первое, что пришло в голову. Выскочил из туалета и сразу пригнулся — коридор был заполнен дымом, где-то в глубине вагона полыхало пламя. От едкого дыма из глаз сразу хлынули слезы, из вагона

выбирался на ощупь. Дверь рабочего тамбура была открыта, кто-то уже успел выскочить. Скатился по стальным ступенькам, и тут же ощущение опасности бросило меня в придорожную траву. Пулеметная очередь прошла буквально на расстоянии вытянутой руки. Жуткий вой стих, чтобы тут же возникнуть снова. Рискнул перекатиться на спину и замер от ужаса. Вот он! Ночной кошмар, с каждой секундой растущий в размерах. Широко разъявленная пасть воздухозаборника, характерный излом крыльев и «лапти» обтекателей шасси. И все это не во сне, а наяву. Даже ущипнул себя, но проснуться не получилось. И нет сейчас у тебя под задницей жесткого стального сиденья автоматической зенитной пушки. А лежишь ты на ровной полосе отчуждения железной дороги, вместе с остальными, кто успел выскочить из поезда, и ждешь. И надеешься, что повезет, что смерть пройдет мимо. Пересилив желание закрыть глаза, досмотрел все до конца, как замигали в консолях крыла пулеметные огоньки, как хлестнули по вагонам пули, и мелькнуло хвостовое оперение выходящего из пологого пикирования «юнкерса».

А потом все закончилось. Прекратился вой сирен и затих звук мотора, остались только треск горящих вагонов, крики ужаса и боли тех, кто выжил. И пришло удивление. Казалось, что попал на огромную съемочную площадку, на которой снимают фильм о начале войны. Вот только никаких камер и режиссера под зонтиком, окруженного кучей ассистентов, не наблюдалось. Зато сам поезд существенно отличался от того, в который я сел вчера на Витебском вокзале Санкт-Петербурга. Локомотив был разворочен прямым попаданием бомбы, но в том, что это паровоз, не было никаких сомнений. И вагоны мало походили на привычные — с обеих сторон виднелись наружные черные лестницы, по которым сейчас спускались те, кто не успел покинуть их во время штурмовки. Кроме паровоза, от бомб пострадали еще два вагона, остальные были прошиты пулеметным огнем. Огонь постепенно расплзался по составу, и погасить его было нечем, да никто и не пытался.

Страхнув с себя оцепенение, поднялся на ноги. С удивлением обнаружил по-прежнему зажатые в левой руке зубную щетку и тюбик пасты. Торопливо, пока никто не заметил ярких иностранных надписей, засунул их в карман к мыльнице и побежал к соседнему вагону, который уже занимался пламенем с одного конца. Нижняя ступенька стальной лестницы оказалась на высоте моего лица, а рост у меня выше среднего. Поэтому спуск на железнодорожную насыпь оказался труднопреодолимым препятствием для многих, и совсем непреодолимым для детей и раненых. Тут мой рост и габариты

пришлись кстати. Оттеснив от лестницы старшего лейтенанта в гимнастерке без ремня, который выбрал себе задачу явно не по росту, я начал подхватывать становившихся на нижнюю ступеньку детей и передавать их дальше, у земли их подхватывали другие и спускали вниз по насыпи. Поразило поведение некоторых малышей — в то время как их ровесники размазывали по лицу слезы или орали в полный голос, эти оставались молчаливы и не по-детски серьезны.

Впрочем, детей оказалось немного, дальше пошли раненые. Кто-то в вагоне догадался завернуть тяжелораненых в простыни, и теперь мы со старлеем принимали их из вагона и передавали дальше. Разворачиваться с ранеными в узком проходе было неудобно, дело двигалось медленно, а огонь подбирался все ближе. К счастью, тяжелых оказалось всего трое, дальше пошли легкие, потом четверо оставшихся в вагоне женщин. Последними, без нашей помощи, посыпались на насыпь подгоняемые жаром мужчины.

Я уже заметил, что значительную часть пассажиров составляют военные, одни из них были в форме, видимо ехали в не пострадавших вагонах, некоторые даже с личным оружием. Другие щеголяли измазанными в грязи и копоти белыми нательными рубахами, зелеными или темно-синими бриджами и сапогами. Было много молодых парней лет двадцати, видимо, лейтенанты, направляющиеся в Брест после училищ. Организовались они довольно быстро, главный определился очень просто, у кого выше звание, тот и командует. Самым старшим оказался военный лет тридцати пяти, одетый почти по форме, но без фуражки. В черных петлицах с красной окантовкой три шпалы и какая-то эмблема — подполковник. Он быстро организовал помощь раненым, направил трех командиров в ближайшую деревню за подводами для них. Матери разобрали своих детей, но быстро выяснилось, что не у всех детей есть родители, а некоторые из родителей тщетно искали своих детей.

За этой человеческой трагедией я наблюдал несколько отстраненно. Умом я уже понимал, что это все наяву, но до конца поверить в это еще не получалось. Несколько раз ущипнул себя, но ничего не изменилось: светило солнце, потрескивали горящие вагоны, плакали дети, голосил кто-то из женщин, стонали раненые. Так я просидел минут десять, никто на меня не обращал внимания. Наконец решил, подошел к догорающему вагону, оглянулся, никто вроде не смотрит. Вытащил из кармана орластый паспорт и сунул его в краснеющие угли, проследил, чтобы он сгорел без остатка, туда же вытряхнул несуществующие здесь деньги и пластиковые карточки,

туда же сунул и сам кошелек. Теперь ревизия одежды. Футболка белая, без каких-либо надписей, изнутри, конечно, есть ярлыки с надписями на импортных языках, но спорить их нечем, да и проделывать подобную операцию лучше подальше от посторонних глаз. Штаны черные спортивные с тремя полосками и надписью «adidas». Никуда не годится, но авось пронесет, надпись довольно мелкая, да и перемазаны штаны изрядно, а по надписи еще и дополнительно сажей пройдемся. Туфли известной фирмы никаких надписей, по крайней мере, снаружи, не несут, а через десяток километров по местной дороге и вовсе от местных изделий фабрики «Скорород» не отличишь. Зубную пасту и щетку пожалел, где их здесь найдешь? Отличные кварцевые часы швейцарской фирмы прячу в карман, где был паспорт.

Какая все-таки удивительная тварь — человек, к любым условиям приспособится. Еще час назад вполне успешный и обеспеченный человек ехал в Европу, а сейчас он сидит в одних штанах и футболке, без денег, без документов, да еще и перед накатывающимся валом немецкого вторжения. В том, что это 22 июня 1941 года, никаких сомнений не было, если только я не стал жертвой теракта или железнодорожной катастрофы и сейчас лежу в реанимации какой-нибудь белорусской больницы с лошадиной дозой наркоты в организме. Ладно, будем действовать исходя из того, что все это не наркотические глюки, а реально происходящие события.

Присмотревшись и несколько разобравшись в происходящем, с удивлением понял, что подполковник собирается направить уцелевших на юго-запад в сторону Бреста. Ну да, это ты такой умный и все знаешь, а у него свои резоны. Ох, не стоит лезть не в свое дело, но смотреть на отправляемых прямо в объятия вермахта женщин и детей было выше моих сил. Поднялся с насыпи и пошел к подполковнику.

— Извините, товарищ подполковник...

По крайней мере, с обращением «товарищ» проблем нет, сказывается советская закалка.

— Военинженер первого ранга, — поправил меня «подполковник».

Пробежал по мне глазами, распознал штатского и добавил.

— Что вы хотели?

— Почему вы направляете людей в сторону Бреста, ведь совсем недавно мы проехали достаточно крупную станцию, там нам могут оказать помощь.

Командир снизошел до объяснений.

— Недавно, это на поезде, а так до Ивацевичей километров пятнадцать. С таким табором раньше чем через шесть часов вы туда не доберетесь. А в сторону Бреста следующая станция совсем рядом.

— Мы совсем недавно пересекли дорогу, ведущую в Минск. Идти по ней легче, чем вдоль насыпи и есть возможность поймать попутный автотранспорт. К тому же из Ивацевичей можно уехать по железной дороге, а с той станции в ближайшее время поезда ходить не будут.

Киваю на уничтоженный взрывом паровоз, искореженные рельсы и воронку в насыпи. Военинженер находит контраргумент.

— Оттуда можно добраться до Бреста.

— Это вам надо в Брест. Нас бомбили немецкие самолеты и не исключено, что сейчас на границе идет бой. А вы хотите тащить женщин и детей в зону боевых действий? Навстречу новым налетам?

Кажется, дошло, после секундного размышления военный инженер первого ранга кивает и отдает команду:

— Всем гражданским идти в сторону Минска!

Несколько голосов дублируют команду, начинается шевеление, первые пешеходы потянулись на северо-восток. Мне тоже пора.

— Ни пуха, ни пера вам, товарищ военинженер.

— И вам...

— Инженер я, — представляюсь военному, — в командировку ехал.

— Понятно, — кивает военный, — и вам удачи.

Впереди меня идет женщина в летнем платье с двумя детьми, из вещей только женская сумка. Мальчику лет пять, и он идет сам, второго ребенка, похоже, девочку, женщина несет на руках. Вижу, как ей тяжело, поэтому догоняю и предлагаю помочь. Вижу внутреннюю борьбу в глазах женщины, но ребенка она мне отдает, это действительно девочка, ей около двух лет. Понимаю, я бы и сам засомневался, отдавать ли ребенка лысому, грязному громиле, вышающему над ней на целую голову. Девочка весит килограммов десять, но длительное отсутствие серьезных физических нагрузок начинает быстро сказываться. Да и мальчик вскоре устает. Останавливаемся отдохнуть, мимо нас проезжают четыре телеги, сопровождаемые тремя командирами. У всех троих наганы в кобуре, знал инженер, кого посылать к местным куркулям.

— Скоро выйдем на дорогу, там легче будет, — пытаюсь ободрить ее.

— Пойдемте, — поднимается женщина.

Несмотря на сложившиеся обстоятельства, держится она хорошо. Вскоре действительно выходим на дорогу, ведущую в Ивацевичи, скорость немного возрастает, убаюканная девочка засыпает у меня на руках. Постепенно разговорились. Женщина представилась Верой Мефодьевной, землячкой из Ленинграда. Ехала с детьми к мужу, которого недавно перевели в Брест, к новому месту службы. Мальчика зовут Сашей, девочку Людмилой. Придерживаюсь своей легенды инженера, ехавшего в командировку. Опасаюсь засыпаться на незнании тогдашних реалий, но женщина больше озабочена судьбой мужа. На вопрос, уж не в гарнизоне ли Брестской крепости служит ее любимый капитан, получаю положительный ответ. Вряд ли она когда-либо вновь его увидит, но я стараюсь ободрить будущую, а может уже настоящую вдову, и плету, что все будет хорошо.

В первой же деревне беженцы — пока только я знаю, кто они такие — собираются около колодца. Здесь удастся напиться и умыться, спрятанное в карман мыло оказывается очень кстати.

— Какое душистое! — удивляется Вера Мефодьевна.

Делаю зарубку на память, что даже мыло светить опасно. До Ивацевичей еще девять километров, это расстояние преодолеваем за четыре часа. По дороге нас обгоняют телеги с ранеными, нас никто больше не бомбит. Попутных машин не было, навстречу попались три телеги и военная полуторка. Водитель и красноармейцы в кузове смотрели с любопытством, но проскочили мимо, торопились. Впечатление такое, будто и нет никакой войны, до фронта километров восемьдесят, поэтому канонады не слышно. Но скоро немцы перемелют приграничные дивизии и стремительно рванут вперед. Минск они взяли на пятый день. Мы сейчас между Минском и Брестом, ближе к Бресту. Значит, завтра вечером или послезавтра утром немцы вполне могут быть здесь.

До Ивацевичей добираемся к трем часам после полудня. Поселок уже знает о начале войны из выступления Молотова. Толпа штурмует магазины, еще не громит, но с прилавков сметают все, что можно. Пока я прикидываю, что можно добыть в этой толпе, женщина вспоминает, что в местном вокзале должен быть буфет.

— А как у вас с деньгами? У меня совсем ничего.

Вера Мефодьевна успокоительно машет рукой. Мы, подхватив Сашеньку и Людочку, мчимся к железнодорожной станции, торопясь успеть раньше остальных. Успеваем, цены в станционном буфете кусаются. По моему совету она покупает три буханки ржаного хлеба, на ближайшее время это наша единственная пища. Один кирпич приговариваем сразу. Советские дети сорок первого

не избалованы даже до начала войны, черный хлеб у них пошел без капризов. Оставив женщину с детьми в крохотном зале ожидания, пошел к начальнику станции выяснить возможность добраться до Минска. Первый попавшийся железнодорожник указал в сторону запасных путей. Там и нашелся коренастый дядька лет пятидесяти в фуражке с красным верхом. В момент появления он как раз гонял сцепщиков и маневровый паровоз, формируя эшелон на Минск. Узнав о появлении на станции двух с лишним сотен беженцев, дядька на секунду впал в уныние, но тут же нашел выход.

— Есть три порожних вагона. Подцепим их сейчас к эшелону. Пусть грузятся в них.

На русском он говорил чисто, видно не из местных, прислали с востока.

— Все не влезут, — возразил я.

Дядька пожал плечами, дескать, больше ничего придумать не могу.

— А на тормозные площадки остальных вагонов, на крыши, в конце концов?

— Не положено.

— А людей под бомбами оставлять положено? Там женщины и дети. А если немцы прорвутся?

Дядька посмотрел мне в глаза и согласился.

— Няхай. Иди в вокзал, скажи, пусть грузятся. Минут через сорок отправим.

Узнав об эшелоне на Минск, толпа ломанулась на запасные пути, чуть друг друга не передавили в дверях. Когда мы добрались до вагонов, двухосные теплушки уже были забиты. С трудом пристроил Веру с детьми на тормозную площадку одного из вагонов.

— Вера Мефодьевна, в Минске не задерживайтесь, сразу уезжайте в Москву или Ленинград, лучше в Москву.

— Но у меня мама в Ленинграде.

— Тогда как можно быстрее доберитесь до Ленинграда и... У вас есть родственники еще где-нибудь?

— В Архангельске. Родители мужа.

— Вот туда и уезжайте. Берите маму и уезжайте. Как можно скорее.

Из глаз женщины вдруг потекли слезы.

— Вы думаете? Неужели? Не может быть, нам же обещали...

— Я ничего не думаю, я беспокоюсь о вас и ваших детях. Сделайте, как я сказал. Обещаете?

Она часто закивала головой, вытирая с лица слезы.

— И помните, в Минске — ни одной лишней минуты. Первым же эшелонем на восток, куда угодно.

— А вы? — опомнилась женщина. — Разве вы не с нами?

— Я остаюсь, да и с местами уже туго.

Как я успел заметить, в эшелон набились не только беженцы из разбомбленного поезда, но и довольно много местных. То ли бегут, то ли используют возможность бесплатно прокатиться до столицы. Кому война, а кому... Ну ничего, фрицы выпишут вам обратный билет. А в мои планы столица Белорусской Советской Социалистической республики не входила. На минском вокзале такую подозрительную личность, как я, милиция мимо не пропустит. Не расстреляют, конечно, но «до выяснения» запрут точно, а там и «ролики» немецкие подспеют. Поэтому остаюсь, в мутной прифронтовой водичке намного проще поймать чьи-нибудь документы для легализации, но и пулю можно поймать запросто, как от тех, так и от других. Сейчас я чужой, для всех.

— Спасибо вам за все. Вот, возьмите.

Вера протягивает мне одну из буханок.

— У вас же дети!

— Через несколько часов мы будем в Минске. А у вас нет ничего, вам нужнее. Берите, берите.

Я взял. Засвистел паровоз, дернулись вагоны и медленно покатились прочь от заката. Некоторое время я шел рядом, но вот эшелон ускорился, и я отстал. Помахал на прощание рукой. Больше я их никогда не видел. Надеюсь, Вера воспользовалась моим советом, и когда-нибудь мне это зачтется. Переночевать решил в опустевшем зале ожидания. Страшновато было идти куда-то на ночь глядя, да и вымотался сильно. Тем более что до следующего вечера немцы здесь вряд ли появятся. Расположился на пустой лавке не снимая обуви, вдруг сопрут, прижал хлеб к груди и мгновенно уснул. И снился мне горячий песок иностранного пляжа с зонтиками и шезлонгами, в запотевшем стакане холодный коктейль, тоже с зонтиком, а в соседнем шезлонге улыбается мне стройная загорелая девушка в бикини.

Ну не поминал я черта! Ей-богу не поминал! А он появился. В лице молоденького милицейского сержанта. Цинично растолкал меня, пока я глазами хлопал.

— Ваши документы!

Продрал я глаза, разогнал остатки столь приятного сна и с лавки поднялся. Вот тут сержант и осознал свою ошибку. Стоит перед ним небритый лысый грома, сантиметров на пятнадцать выше и килограммов на тридцать, а то и все сорок тяжелее, и, несмотря